

РАБОТЫ Ю.А. ФИЛИПЧЕНКО И ЕГО ШКОЛЫ ПО ИЗУЧЕНИЮ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА ПЕТРОГРАДА В 1920-1922 ГГ.

*Е.Б. Музрукова
ИИЕТ РАН, г. Москва*

Развитие евгеники в России и оформление её как научного направления связано с именем Ю.А. Филипченко и его школы. Евгеника в России первоначально органично входила в генетику и имела определенный дисциплинарный статус, чего не было, например, в США [1]. Своеобразие становления евгеники в нашей стране определялось и тем, что во главе евгенического движения стояли известные генетики: А.С.Серебровский, Ю.А.Филипченко, Н.К.Кольцов, Г.Меллер. Это привнесло в евгенику экспериментальный подход, и, соответственно, попытку выяснить истинное значение наследственных факторов в формировании различных свойств, как морфологических так и психических, у человека. Кроме того, русской медицине, (а большинство отечественных биологов получили на рубеже XIX-XX веков медицинское базовое образование), традиционно был свойственен высокий гуманизм, и убеждение в социальной обусловленности многих заболеваний. Пионеры евгенического движения в нашей стране были убеждены, что именно евгеника сможет реализовать идею о социальной обусловленности заболеваний и возможности бороться с ними, изменяя социальную среду, на практике.

Вместе с тем, некоторым отечественным «евгеникам» на первых порах представлялось, что задачи по строительству нового коммунистического общества можно решать успешнее, если использовать евгенику как инструмент для отбора людей с нужными для этого строительства качествами. Но, как справедливо отметил Э.И. Колчинский, все-таки, «для основателей евгеники в России она была прежде всего областью генетики и биомедицинских исследований. Они скептически относились к идеям о наличии в человеческом обществе каких-то евгенически наиболее ценных групп, подлежащих клонированию в массовых масштабах» [2, с. 115].

Ю.А. Филипченко также считал, что среди представителей всех слоев общества есть гены, сочетание которых обуславливает

возникновение таланта, но в среде интеллигенции вероятность появления одаренных людей выше в силу ряда социальных условий, благоприятствующих аккумуляции таких генов из поколения в поколение. К таким выводам Филипченко пришел на основании обработки 605 анкет петроградских ученых, писателей, художников и артистов, собранных им вместе с Д.М. Дьяконовым, Т.К. Лепиным и Я.Я.Лусом [3].

Его первой работой было исследование наследования одаренности, а скорее, говоря современным языком, социодемографическое изучение научного сообщества Петрограда начала 20-х годов по результатам ответов референтных групп ученых на вопросы специальной анкеты, разработанной им самим. Уже в ноябре 1920 года эта анкета стала распространяться в Петрограде через Дом ученых при поддержке Комиссии по улучшению быта ученых, но вскоре стало ясно, что для подобного исследования требуется более жесткая организация. В связи с этим, в начале февраля 1921 года Филипченко подает в Совет постоянной Комиссии по изучению естественных производительных сил России докладную записку с предложением организовать в составе Комиссии особый евгенический отдел [4].

Этот отдел был создан в феврале 1921 года, и назван Бюро по евгенике, заведование которым было поручено Ю.А.Филипченко. Перед отделом были поставлены следующие задачи:

1. Изучение вопросов наследственности человека путем анкетирования, специальных обследований и экспедиций.
2. Распространение среди населения сведений о законах наследственности, о целях и задачах евгеники путем издания популярных книг, брошюр и чтения лекций
3. Все желающие вступить в брак, и все, интересующиеся собственной наследственностью должны получать специальные консультации.

Бюро по евгенике разместилось в квартире Ю. А. Филипченко и начало функционировать в марте 1921 года. В первые месяцы деятельность Бюро сводилась к обработке анкет по наследственности среди петроградских ученых. Эти анкеты, как уже говорилось, были разосланы еще в ноябре 1920 года. Кроме того, Филипченко издал в 1921 году две популярные брошюры: «Что такое евгеника», «Как наследуются различные особенности человека», и

прочитал несколько лекций по евгенике в Петрограде и Вологде. Летом 1921 года в состав Бюро вошли сотрудники и ученики Филипченко Д.М. Дьяконов, Т.К. Лепин и Я.Я. Лус.

В течение зимы 1921-1922 года была закончена обработка анкет, полученных из Дома ученых. По результатам исследования был сделан доклад в Доме ученых и опубликовано предварительное сообщение в журнале «Наука и ее работники» (1921, № 6). В это же время сотрудники Бюро начали собирать анкеты среди представителей искусства (через Дом Искусств), и среди студенчества, т.к. Филипченко хотел провести сравнительный анализ данных, полученных для ученых и деятелей искусства, что, безусловно, представляло большой интерес, поскольку целью Филипченко был обобщающий анализ наследования умственных способностей и одаренности у интеллигенции. Бюро активно вело популяризаторскую и консультативную деятельность, хотя обращений подобного характера было немного. Налаживались связи с зарубежными коллегами. Результаты работ Бюро за первые полтора года существования были представлены в № 1 «Известий Бюро по евгенике», вышедшим свет в 1922 году и ставшим в наше время библиографической редкостью.

Особенно интересным для историко-научного анализа представляется статья Ю.А.Филипченко «Статистические результаты анкеты по наследственности среди ученых Петербурга» (заметим, что Филипченко нигде не пишет «Петроград», явно предпочитая старое название родного города). Впоследствии Филипченко опубликовал в «Известиях Бюро по евгенике» обобщающую статью «Интеллигенция и таланты», ставшую в наше время наиболее известной среди его евгенических работ [см. 3]. Однако, общие принципы исследования и основные выводы были сделаны Филипченко уже в двух первых евгенических публикациях - «Статистические результаты по наследованию среди ученых Петербурга» [5] и «Наши выдающиеся ученые» [6].

Большая предварительная работа была проведена сотрудниками Бюро по составлению вопросника анкеты. Принципиальным было включение в него не только данных по наследованию морфологических черт изучаемой группы, но и чисто демографических ее характеристик. Вот что писал сам Ю.А.Филипченко о своих «анкетных листах»: «Нечего и говорить, что целый ряд содержа-

щихся в этих листах данных о наследовании... морфологических, физиологических, психологических и патологических особенностей не может быть разработан с помощью одной статистики, а требует приложения генеалогического метода и получения ряда новых дополнительных сведений. Однако эти анкеты в своих первых графах содержат и иные данные - так сказать, демографического характера, обрисовывающего тип петербургского ученого с самых различных сторон. Этого рода данные легко могут быть приведены в систему путем простой статистической обработки, и на них то мы и предполагаем здесь остановиться» [5, с.7-8].

Объективная характеристика обобщенного типа ученого тех лет представляется очень важной. Прошло только пять лет после революции 17 года, и научное сообщество бывшей столицы российской империи еще сохраняло старые традиции - происхождение, образование, национальный состав и многое другое. К сожалению, позднее анализ структуры научного сообщества, а соответственно и сопоставление его характеристик с данными Филипенко, полученными в первые годы советской власти, стал практически невозможен. Интересно, что сам Ю.А.Филипенко в учебнике по генетике, опубликованном в 1929 году, нигде не упоминает даже сам термин «евгеника».

Анкета, распространенная Бюро по евгенике, состояла прежде всего из главного листа большого формата, содержащего основные вопросы, которые можно назвать социально-демографическими. На т.н. малом листе предлагалось ответить, какие и у кого именно из перечисленных на большом листе лиц наблюдались врожденные аномалии анатомического и функционального характера, а также наследственные болезни - туберкулез, случаи глухонемоты, эпилепсии и других душевных заболеваний, сюда же был включен алкоголизм. Было оставлено место для сведений о других родственниках в случае наследования интересных генетических особенностей. Здесь же фиксировался адрес анкетированного. На листке с объяснительными примечаниями говорилось об общем значении анкеты и давались соответствующие объяснения по ее отдельным пунктам.

Основные пункты, включенные в анкету, позволяли дать ответ на следующие вопросы:

1. Распределение ученых и их супругов по полу и возрасту.

2. Год рождения.
3. Место рождения и происхождение ученого.
4. Место рождения и происхождение супругов ученых.
5. Национальное происхождение.
6. Профессия отцов ученых.
7. Профессия отцов супругов ученых.
8. Брачное состояние.
9. Профессия супругов ученых.
10. Детность.
11. Число детей у ученых старше 40 лет.
12. Пол детей.
13. Годы рождения детей.
14. Годы рождения детей ученых старше 40 лет.
15. Профессия детей.
16. Распространенные болезни в семьях ученых и их супругов
17. Связь между болезнями и национальным происхождением.

ем.

Как видно из приведенных выше вопросов анкеты, она позволяла, при наличии репрезентативной выборки, сделать достоверные статистические выводы относительно количества мужчин и женщин - ученых, доминирующего возраста, социального происхождения, национальности, семейного положения, количества детей, а также наличия наиболее распространенных заболеваний и отклонений от нормы в данной референтной группе.

В том же году Филипченко провел соответствующий опрос среди «выдающихся ученых», многие из которых в то время еще были живы и оставались в Петрограде. Очевидно, было небезынтересно сравнить, какие качества отличают грани выдающегося таланта от его среднего значения. В анкету для выдающихся ученых вошли те же пункты, что и для остальных, но первом анкетном листе было добавлено следующее:

1. Сословное происхождение.
2. Детность братьев и сестер.
3. Каким по счету ребенком был выдающийся ученый.
4. Дефективные родственники (сниженный интеллект, душевные болезни, алкоголизм).
5. Выдающиеся родственники.
6. Специальные способности (сюда включались способности,

не связанные с профессиональной деятельностью ученого).

Как видно, в этих дополнительных вопросах большее внимание обращалось на генеалогию, т.е. была сделана попытка прояснить некоторые наследственные, генетические закономерности появления неординарного научного таланта.

Первый опрос 1921 года дал возможность проанализировать 330 анкет, содержащих подробные сведения о 510 семьях ученых и их супругов, и о 166 семьях их детей, в сумме это составило 676 анкет, что позволяло сделать статистически достоверный анализ. Уже ответы на первые два вопроса анкеты дали интересные сведения. Прежде всего, был выявлен достаточно высокий процент женщин-ученых - чуть меньше 1/3 всех опрошенных. По возрастному составу среди тогдашних ученых Петрограда преобладали люди в возрасте от 37 до 62 лет, т.е. родившиеся между 1860 и 1885 годами. Таким образом, средний возраст членов научного сообщества составлял в то время 45-50 лет.

По месту рождения первенство принадлежало Петербургу, за ним следовали по порядку центральные области с Поволжьем, западный край и южная Россия. По месту происхождения (место рождения отца и деда) первое место занимал центр и Поволжье, затем западный край и только потом Петербург. По словам Филипченко, подобное распределение не является случайным, т.к. оно сохраняется целиком и для супругов ученых [5, с. 10].

Большой интерес представлял вопрос о национальном происхождении ученых. «Вопрос этот не был поставлен мною в анкете совершенно сознательно, дабы без нужды не увеличивать нападков на анкету и не получить в то же время ответов, которые могли бы дать в силу своей краткости неверное освещение истинному положению дел» (там же). Однако, сопоставляя имеющиеся в анкете сведения об именах, отчествах и фамилиях предков данного лица, о месте рождения и жительства, а иногда и о занятиях, в большинстве случаев можно было без труда определить национальную принадлежность ученого. Филипченко предложил следующие определения по национальному происхождению: чистые русские, смешанное происхождение, чистые иностранцы. Подведя итог статистическому анализу данного вопроса для ученых и их супругов, Филипченко сделал следующий вывод: «В общих чертах можно сказать, что около половины ученых, а также их супругов,

имеет чисто русское происхождение, около четверти смешанное, а еще одна четверть представляет по происхождению чисто иностранный элемент. Среди последнего первое место занимают немцы (вернее немецко-прибалтийский элемент), затем идут поляки, финны и евреи» [5, с. 11].

Вопрос о происхождении ученых был бы не полным без указания на то, из какой социальной среды они происходят. Все профессии были разделены Филипченко на две группы - с большей и с меньшей квалификацией в смысле образования и таланта. Из составленных на их основе таблиц можно было сделать однозначный вывод - большинство ученых, примерно 2/3, также как и их супруги, происходят из интеллигентной среды. Их отцы были, как правило, педагогами, медиками, учеными, юристами, служащими, военными или священниками. Многие происходили из среды купцов и фабрикантов.

Примерно 70% ученых состояло в браке. Среди жен ученых приблизительно 2/3 были заняты только домашним хозяйством и не имели особой профессии. Треть имела профессию, причем, наиболее часто это были педагоги или врачи.

Говоря о наличии детей у ученых всех указанных в ответах на анкету возрастов, Филипченко пришел к следующему выводу: «Очевидно, наши ученые характеризуются вообще очень малым числом детей и в среднем осуществляют *Zweikindersystem*, при которой не может быть естественного возобновления популяции (наименьшее нужное для этого число лежит в среднем между 3 и 4 детьми)». Средний возраст детей ученых в те годы был около 10 лет (т.е. это были представители поколения, которое было практически полностью уничтожено во время Великой Отечественной войны). Среди детей, достигших совершеннолетия, очень немногие имели профессию, что было следствием войны и революции. Среди тех, кто сумел получить профессию, бросалось в глаза преобладание профессий с высокой квалификацией.

Что касается распространения некоторых болезней среди опрошенных и связи этих болезней с национальным происхождением, то здесь, по мнению Филипченко, получилась поучительная картина. «Бичом чисто русских семей является алкоголизм, встречающийся почти в 1,5 раза чаще, чем его можно ожидать: в 70% вместо 51%. Остальное лежит довольно близко к норме, правда,

туберкулез несколько выше ожидаемого, а душевные болезни несколько ниже, но не настолько, чтобы этому можно было придавать особенное значение. Напротив, у иностранцев алкоголизм встречается раза в три реже ожидаемого и все другие заболевания, особенно туберкулез, несколько ниже нормы. Хуже всего обстоит дело в семьях смешанного происхождения: туберкулез, рак и алкоголизм превосходят в них ожидаемые цифры довольно заметно, а душевные болезни встречаются еще чаще (более чем в 1,5 раза против ожидаемого), чем алкоголизм среди чисто русских элементов. В последнем нельзя не видеть известного подтверждения мысли о нежелательности смешанных браков с евгенической точки зрения» [5, с. 19].

Заканчивая свою статью, Ю.А.Филипченко сделал важный вывод о том, что целый ряд отмеченных у опрошенных ученых особенностей характерен не только для петроградских ученых. Можно было говорить об особенностях современной ему интеллигенции вообще, но такое обобщение было сделано им позднее в статье «Интеллигенция и таланты», когда ему удалось сравнить данные опросов ученых и деятелей искусств - литераторов, художников, артистов.

Логическим продолжением исследования научного сообщества стало анкетирование выдающихся ученых. Филипченко писал: «Если с точки зрения евгеники группа ученых, как один из типичных представителей нашей интеллигенции, представляет особенный интерес, то в еще большей степени это можно сказать про тех немногочисленных избранников таланта, которых можно назвать выдающимися учеными» [6, с.22]. К выдающимся ученым Филипченко отнес ученых, являющихся создателями важнейших российских научных школ и направлений, и ученых с мировым именем, так же, как и крупнейших представителей данной науки. Из числа выдающихся ученых Филипченко исключил всех медиков и инженеров «как представителей не столько теоретического, сколько прикладного знания, которые в силу этого, как мне казалось, не могут быть непосредственно сравниваемы с представителями других специальностей.» [6, с. 23].

Составленный Филипченко список содержал 80 имен различных представителей «теоретического знания». Среди них и были распространены анкетные листы с рядом вопросов о них самих, об

их предках, супругах, детях, причем многие из этих вопросов вообще не ставились в предыдущей анкете для ученых. Из общих вопросов наиболее интересным оказался вопрос о национальном происхождении. Процент чисто русских был таким же, как и у всех ученых, но «... лиц смешенного происхождения заметно больше, а чисто иностранного происхождения заметно меньше, чем в общей популяции Дома ученых. Таким образом, здесь приходится отметить несколько меньшее участие иностранного элемента, что же касается до характера последнего, то среди лиц смешанного происхождения им чаще всего является немецкий или шведский, а среди чистых иностранцев еврейский.» [6, с.27].

Что касается сословного происхождения, то, сравнив полученные данные с известной статистикой О.Декандоля для иностранных членов Парижской Академии Наук, Филипченко заключил, что петербургские выдающиеся ученые происходят из гораздо более демократической среды, чем их французские коллеги - практически из всех сословий: дворян, лиц духовного звания, купцов, мещан и крестьян, хотя из первых двух все-таки происходило наибольшее число выдающихся ученых.

Вопрос анкеты о том, каким по счету ребенком был выдающийся ученый, не случаен в данном исследовании. Существовало авторитетное мнение К.Пирсона о «низких качествах первенцев» в семьях. Исследование Филипченко позволило ему сделать однозначный и противоположный вывод - «...у первенцев гораздо больше шансов стать выдающимися учеными - по крайней мере, почти половина наших выдающихся ученых состоит из первенцев» [6, с.33].

Что касается выдающихся и дефективных родственников (в основном речь шла о душевнобольных), то немногочисленные данные Филипченко показали, тем не менее, что как одаренность, так и психические отклонения от нормы, передавались, в основном, по женской линии. Это позволило Филипченко поставить следующий вопрос: «Быть может, при передаче психических уклонений о нормы, как в сторону плюса, так и в сторону минуса, действительно имеет место ограниченная полом наследственность? Этот вопрос, конечно, пока может быть поставлен нами только чисто предположительно» [там же, с.35].

Интересным в группе «выдающиеся ученые» оказалось

распределение способностей, не связанных с научно-исследовательской деятельностью. На первом месте - организаторские способности, затем лингвистические, литературные, музыкальные, ораторские и способности к рисованию. Т.е., значительная часть выдающихся ученых были, прежде всего, хорошими организаторами и обладали литературными и художественными дарованиями.

Говоря о различиях, которые выявило обследование ученых вообще и выдающихся ученых, Филипченко отметил, в основном, пять главных отличий. Во-первых, среди выдающихся ученых отсутствовали женщины. Во-вторых, средний возраст выдающихся ученых заметно превышал средний возраст ученых вообще (60 лет вместо 50-ти). В-третьих, среди выдающихся ученых было значительно больше чисто русских, по сравнению с общей популяцией. В-четвертых, у них наблюдалось гораздо большее количество как выдающихся, так и душевнобольных родственников, причем в обоих случаях родословная матери имела большее значение, чем родословная отца. Филипченко писал: «Эти последние обстоятельства убеждают лишний раз в том, что лица, которых можно признать выдающимися учеными, делаются такими не под влиянием своих собственных усилий или каких-нибудь случайных обстоятельств, а под влиянием той силы, которая больше всего делает каждого из нас тем, что он есть, т.е. под влиянием наследственности. Подобно многому другому, и выдающиеся ученые рождаются, а не творятся» [6, С.37].

Филипченко заметил, что особенно стоит помнить эту истину в России. За 10 месяцев, которые прошли с момента составления им списка выдающихся ученых, 7 были «унесены смертью», а трое покинули Россию. За четыре послереволюционных года Россия потеряла большую часть научного сообщества. Прочитируем еще раз Ю.А.Филипченко: «Никакой естественный прирост не может, конечно, восполнить этих потерь, и, если последние будут продолжаться в той же пропорции и дальше, то очень скоро мы можем прийти до того отсутствия талантливых людей в нашей среде, которое Пирсон глубоко правильно считает «худшим из зол, могущих постигнуть нацию» [там же, с. 38]. Эти слова нашего выдающегося соотечественника, к сожалению, актуальны и в настоящее время.

Литература

1. Castle W.E. Genetics and Eugenics. Cambridge, Harvard University Press, 1930.
2. Колчинский Э.И. В поисках советского «союза» философии и биологии. СПб., Д. Буланин, 1999.
3. Филипченко Ю.А. Интеллигенция и таланты // Известия Бюро по евгенике. 1925. №3. С. 83-101.
4. Филипченко Ю.А. Бюро по евгенике.(предисловие). // Известия Бюро по евгенике. 1922. № 1. С. 1-4.
5. Филипченко Ю.А. Статистические результаты анкеты по наследственности среди ученых Петербурга. // Известия Бюро по евгенике. 1922. № 1. С. 5-21.
6. Филипченко Ю.А. Наши выдающиеся ученые. // Известия бюро по евгенике. 1922. № 1. С. 22-38.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ
(проект № 04-06-80179), РГНФ (проект № 04-03-00488а).*